

ФИНИКИЙСКАЯ
МИФОЛОГИЯ

«Летний Сад»
Журнал «Нева»
Санкт-Петербург
1999

Ф59

Под общей редакцией
Ю. С. Довженко

Финикийская мифология

Ф59 Финикийская мифология. — Сост. Н. К. Герасимова. — Под общ. ред. Ю. С. Довженко. — СПб.: «Летний Сад», Журнал «Нева», 1999. — 331 с., илл.

Художественное оформление
Е. Б. Горбатовой

Книга содержит работы двух виднейших отечественных востоковедов — Б. А. Тураева и И. Ш. Шифмана, посвященные мифологии и истории Древней Финикии, а также подборку выдержек из произведений античных писателей о финикийской религии. Все тексты подробно откомментированы.

Для специалистов-востоковедов и всех, интересующихся историей культуры Древнего Востока.

ISBN 5-89740-019-9 Журнал «Нева»
ISBN 5-87516-125-6 «Летний Сад»

© Герасимов Н. К., 1999, состав
© Довженко Ю. С., 1999, общая редакция, оговоренные примечания и переводы
© Горбатова Е. Б., 1999, оформление

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга содержит работы двух виднейших отечественных востоковедов — Бориса Александровича Турасва и Ильи Шолеймовича Шифмана, посвященные мифологии и частично истории финикийцев. В их основе лежат произведения античных, т. е. греческих и римских авторов, содержащие сведения о финикийцах, и большие отрывки из сочинений финикийских писателей. Почему же не использованы непосредственно финикийские произведения? Ответ прост: они не сохранились. Финикийцы писали на папирусе, а этот писчий материал вне Египта практически не может сохраняться в течение длительного времени. Использовали финикийцы также камень и бронзу, однако на них вырезались посвященные надписи, надгробные эпитафии, но не литературные произведения. В древности же эти произведения были известны, и их знали авторы, писавшие на греческом языке.

Одним из таких авторов был Иосиф Флавий. Он был иудеем и активно участвовал в так называемой Великой иудейской войне, мощном восстании иудеев против римлян в 68—73 гг. н. э. При подавлении этого восстания он был взят в плен и стал рабом римского полководца Тита Флавия Веспасиана. Позже Веспасиан стал императором и отпустил Иосифа на свободу. По римскому обычаю, Иосиф, став римским гражданином, приобрел родовое имя Веспасиана — Флавий — и сохранил свое прежнее имя — Иосиф. Иосиф Флавий написал на греческом языке ряд произведений, в том числе «Иудейские древности» и «Против Апиона». В первом он ставил своей целью познакомить образованного читателя (а греческий язык в Римской империи знали не только греки, но и все образованные люди) с историей своего народа. Во втором Иосиф разоблачал клеветнические, с его точки зрения, антисемитские писания некоего Апиона (который и известен только потому, что против него выступил Иосиф). И в том, и в другом произведении Иосиф Флавий обращался к финикийцам, приводил факты из их истории и, что особенно важно, обширные выписки из сочинений финикийских историков Менандра и Дия.

Современником Иосифа Флавия был писавший на греческом языке Филон из финикийского города Библа. Был ли он греком, живущим в этом городе, или весьма эллинизовавшимся финикийцем, сказать трудно. Но в любом случае, финикийский язык и финикийскую литературу он знал. На ее основе он написал «Финикийскую историю», состоящую из нескольких книг. В первой книге Филон излагал финикийские мифы; видимо, она представляла собой мифическую предысторию финикийского народа. Излагая эти мифы, Филон утверждал, что в основе его изложения лежит сочинение финикийского мудреца Санхунйатона из города Берита (Бейрута), жившего еще до Троянской войны, т. е. во II тысячелетии до н. э. Об этом Санхунйатоне упоминают и другие античные писатели, называя ряд его произведений, ни одно из которых до нас не дошло даже в отрывках. Да и Филон не пользовался особой популярностью. Но в IV в. один из «отцов церкви» Евсевий Кесарийский, разоблачая «языческие мерзости», приводил обширные отрывки из первой книги филоновского произведения. И это позволило и нам узнать их.

Более короткие отрывки из финикийской литературы встречаются и у других авторов, некоторые из античных писателей упоминали те или иные факты из финикийской истории, ссылались на финикийские религиозные представления и мифы. Все это не заменяет оригинальные произведения, но все же дает некоторые сведения о финикийской истории, о религии и мифологии финикийцев.

Греки познакомились с финикийцами довольно рано. Уже Гомер упоминал финикийских торговцев. В «Илиаде» эти упоминания довольно нейтральны, а в «Одиссее» резко отрицательны. Это естественно. Именно на море финикийцы долгое время выступали основными конкурентами эллинов. Впрочем, греки знали финикийцев и задолго до Гомера. Уже во II тысячелетии до н. э. и микенские греки, и их предшественники минойцы Крита поддерживали оживленные контакты с финикийцами. Сами названия «Финикия», «финикийцы» — греческие; финикийцы же называли свою страну Ханааном, воспроизводя это название от своего мифического предка, имя которого грекоязычный Филон передает как Хна. Другие соседи финикийцев-ханаанцев, кочевые скотоводы, в том числе предки евреев, противостоящие горожанам и земледельцам Финикии-Ханаана, воспринимали финикийского прапращура как первоуродка Каина.

Во II тысячелетии до н. э. ханаанцы заселяли обширное пространство, охватывавшее юго-западную часть древней Сирии, Палестину и, возможно, Запруданье. К северу и востоку от них жили аморреи. И ханаанцы, и аморреи говорили на близких друг другу семитских языках, вполне понима-

мая друг друга, хотя и произносили слова несколько по-разному. Культурные этих двух народов были очень близки, составляя, как говорят современные ученые, ханаанско-аморейскую культурную общность или ханаанско-аморейский культурный круг. Они поклонялись практически одним и тем же богам (хотя и называли их немного по-разному), а их мифы были вариантами одной и той же мифологической системы.

Собственно Финикия занимала часть тогдашнего Ханаана, узкую полосу земли между Ливанскими горами и восточным побережьем Средиземного моря. Хотя эта земля была очень плодородна, ее было слишком мало, чтобы прокормить все возрастающее население, и этот недостаток финикийцы компенсировали активным развитием торговли, в том числе посреднической. Одним из главных товаров финикийцев был великолепный лес, покрывающий склоны Ливана. Долгое время важнейшим партнером финикийцев был Египет, а центром финикийско-египетской торговли — Библ. Значение Библа для египтян было столь велико, что когда торговля с ним на время прервалась, это рассматривалось как одно из величайших бедствий. Для торговли с Библом египтяне строили специальные деревянные большегрузные корабли, способные переносить столь необходимое для них дерево. Позже «библскими» египтяне стали называть все подобные суда, предназначенные для морского плавания, отличные о папирусных лодок, на которых передвигались по Нилу.

Финикия состояла из нескольких городов-государств, крупнейшими из которых были Тир, Сидон, Библ, Арвад. Тир и Арвад располагались на небольших островках вблизи побережья. Владели они и частью материка напротив своих островков. Торговля, ремесло, эксплуатация лесных богатств и в гораздо меньшей степени земледелие весьма обогащали эти города. Но в политическом плане раздробленные города-государства Финикии и окружающих земель были бессильны. Все это делало Финикию, Сирию, Палестину желанным объектом грабежей и завоеваний более сильных соседей, где уже образовались обширные территориальные и в значительной степени централизованные государства. В XXI в. до н. э. в Библе была, по-видимому, установлена власть месопотамских царей III династии Ура. Это государство оказалось недолговечным, и побережье освободилось от месопотамского господства. В середине и второй половине II тысячелетия до н. э. воинственные египетские фараоны XVIII династии создали свою «империю». В результате походов Тутмоса I и особенно Тутмоса III финикийские города были подчинены египетским монархам. Ради поддержания порядка и подчинения египтяне оставляли в некоторых городах свои гарнизоны, но в целом внутренние порядки в самих финикийских городах оставили прежними. В городах-государствах сохранились старые дина-

тии, но цари признавали верховную власть фараона, выражавшуюся в первую очередь в налагаемой на эти города огромной дани.

Многочисленные войны и необходимость уплаты тяжелой дани обострили социальные отношения в городах. Многие горожане бежали в горы. Там они встретились с другими подобными беглецами. Из выходцев из разных народов и общин возникла новая своеобразная этно-социальная общность — хапиру. Росту силы хапиру способствовали обстоятельства правления фараона Аменхотеп IV (Эхнатона). Он был занят преимущественно своей религиозной реформой, стремясь ввести в Египте единобожие, и мало обращал внимания на внутрисполитическую ситуацию, тем более в северо-восточной окраине своего государства. И хапиру, создав свое государство Амурру, начали наступление на города сирофиникийского побережья. Их сила росла. Сын основателя Амурру Абдиаширты Азиру уже сам принял титул царя, хотя из политических соображений и заявлял о признании верховной власти фараона. Арвад вступил в союз с Амурру, что дало возможность последнему выйти к Средиземному морю. Библ и Тир, напрасно взывая к Эхнатону о помощи, заключили между собой союз против хапиру, но сами тирийцы были против такого союза, и тирский царь был свергнут.

Всем этим воспользовались хетты, начавшие из Малой Азии наступление в южном направлении. Царь Суппилулиумас совершил ряд походов, приведших к созданию могущественной Хеттской державы. Фараоны XIX династии Сети I и его сын Рамсес II попытались остановить хеттское продвижение. В конце концов Рамсес заключил с хеттским царем договор, разделивший Восточное Средиземноморье на две сферы: египетскую и хеттскую. Большинство финикийских городов остались в подчинении Египту, но самый север Финикии подчинился хеттам.

В подчинении у хеттов оказался и город-государство Угарит, расположенный севернее Финикии. Угарит был развитым городом с разнообразным населением, в котором все же преобладал аморейский элемент. Под властью хеттских царей он сохранил свою автономию, своих царей, свое экономическое значение. Угарит поддерживал активные торговые связи с Эгейским бассейном, в нем самом существовала фактория минойских, а затем микенских купцов. Угаритяне плавали в Эгейду, а возможно, и в более западные районы Средиземноморья.

В западных контактах активное участие принимал и Тир. На нынешнем уровне наших знаний он предстает «младшим партнером» Угарита, но это может объясняться различием именно наших знаний об этих двух городах: в то время как Угарит активно и тщательно раскапывается на протяжении нескольких десятилетий, что дало очень много сведений.

финикийские слои Тира остаются до сих пор практически нетронутыми. Сами греки признавали роль Тира. Основание греческих Фив приписывается тирийцу Кадму, а находка в этом городе месопотамских цилиндрических печатей XIV в. до н. э. подтверждает связи Фив с Ближним Востоком. Во всяком случае, дворец тирского царя был столь же богатым и роскошным, как и угаритского.

К концу II тысячелетия до н. э. все Средиземноморье и прилегающие районы охватывает мощный экономический, социальный, политический и демографический кризис. Его основополагающая причина, возможно, лежит в дальнейшей неспособности экономики, основанной на технике бронзового века, обеспечить не только процветание, но и само существование общества. Это вело к упадку и даже гибели цивилизованных государств и мощным передвижениям нецивилизованных народов, устремившихся, в частности, на территории этих государств. На Восточное Средиземноморье обрушились так называемые «народы моря». Они уничтожили Хеттскую державу и царство Амурру, разрушили Угарит (хотя, возможно, город погиб в результате землетрясения, но несомненно в период нападения «народов моря»), напали на Египет. Египтяне отбили их нападение, после чего некоторые из них обосновались на побережье Палестины. Одними из них были филистимляне («пелиптим»), от имени которых эта страна и получила свое название. Приблизительно в это же время и несколько позже из внутренних районов Передней Азии в Сирию и Палестину вторгаются новые семитоязычные племена. Одни из них — арамеи — занимают Сирию, а другие — Палестину и Заиорданию. В их числе были предки евреев, позже создавшие свое государство в Палестине — Израиль. Ханаанси, обитавшие в районах, занятых арамеями и евреями, были частично уничтожены, частично ассимилированы, частично перебрались на единственно оставшуюся вне этих вторжений полосу земли — в Финикию.

Саму Финикию все эти передвижения народов задело мало. Правда, филистимляне разрушили Сидон, и его жители были вынуждены перебраться в соседний Тир, но относительно скоро город был восстановлен и снова стал играть важную роль в Финикии. Изменения вокруг пошли даже на пользу финикийцам. Разрушение Угарита и уничтожение микенских государств Греции на какое-то время избавили их от конкурентов. Гибель Хеттской державы и упадок Египта и месопотамских государств, в том числе Ассирии, привели не только к политическому освобождению от иностранного господства, но и к устранению угрозы восстановления такого господства. В результате наступил сравнительно короткий период политического расцвета небольших государств этого региона, в том числе фини-

кийских городов-государств. Еще сравнительно недавно библский царь называл себя рабом египетского фараона, а в начале XI в. до н. э. египетского посланца царь Библа Чеккер-Баал уже свысока третировал Ун-Амуна, и за дерево, которое тот просил поставить в Египет, требовал значительную сумму, а потом и просто выставил египтянина из Библа.

С другой стороны, переселение ханаанцев из занятых другими племенами районов создало в финикийских городах демографическое напряжение. Выходом из него могло стать выселение части населения за море, т. е. колонизация. К тому же, создание колоний могло привести к более прочному овладению рынками получения таких продуктов, в которых был заинтересован Ближний Восток, но которых там не доставало, а также опорными пунктами по пути к этим рынкам. Еще в предыдущую эпоху тем финикийским городом, который активно поддерживал контакты с западными заморскими странами, был Тир. Поэтому он и стал основной, если не единственной, метрополией финикийских колоний. В ходе этого первого этапа колонизации, охватывающим последнюю четверть XII и первую четверть XI в. до н. э., финикийцы обосновались на богатом золотом острове Фасосе в северной части Эгейского моря, в обильной серебром Южной Испании, где ими был основан город Гадес (совр. Кадис), в Утике на северном берегу Африки и в некоторых других местах, в том числе и на некоторых островах Эгейского моря. В результате именно через Тир приходило на Восток значительное количество не только золота и серебра, но и слоновой кости, обезьян и диких птиц, пользовавшихся спросом у восточных владык.

Эта торговля весьма обогатила Тир. Огромные богатства позволили тирскому царю Хираму, правившему в X в. до н. э., провести важные работы по благоустройству города, в результате которых была расширена сама территория острова, на котором город располагался. Были построены новые храмы богини Астарты, весьма почитаемой всеми финикийцами, и тирского городского бога Мелькарта, и установлен праздник в честь воскресения этого бога. Хирам поддерживал дружеские связи с израильскими царями Давидом и его сыном Соломоном. С Соломоном был заключен даже торговый союз, согласно которому израильский царь стал посылать свой корабль вместе с тирскими в Южную Испанию, а тирийцы получили возможность использовать порт Эцион-Гебер на Красном море для торговли с богатым золотом Офиром¹, расположенным где-то при выходе из Красного моря в Индийский океан. Активно торговали тирийцы и со странами Ближнего Востока.

¹ Офир — см. прим. 4 на с. 317.

В начале I тысячелетия до н. э. Тир становится, по выражению одного современного ученого, «Лондоном древности». Его торговые связи охватывали огромную территорию от выхода из Средиземного моря в Атлантический океан до Ассирии и от африканского побережья до гор современной Армении. Созданные тирийцами колонии (в отличие от греческих) не были независимы, а признавали власть тирского царя. Тирские цари подчинили (форма этого подчинения нам пока неизвестна) значительную часть Южной Финикии, включая восстановленный после филистимского набега Сидон. Вообще во внешнем мире это царство выступало, по-видимому, как Сидонское, но столицей его был Тир. Не исключено, что жители этого царства, не принадлежавшие к гражданам самого Тира, именовались «сидонскими мужами» и «сидонскими дочерьми» (впрочем, все это при нынешнем состоянии наших знаний находится еще в области догадок). Как бы то ни было, роль Тира была очень велика и в политической, и особенно в экономической жизни Финикии и всего восточносредиземноморского региона.

Правда, к этому времени в результате глубоких изменений в Греции и на фракийском побережье Эгейского моря финикийцы были вытеснены из Эгейского бассейна, их поселения или были разрушены, или перешли к грекам. Но связи с греками не прервались. Греки были заинтересованы в получении восточных продуктов, но сами в то время еще не могли активно участвовать в морской торговле и поэтому такие товары получали от финикийцев. Вскоре и сами греки стали развивать морскую торговлю, а позже и колонизацию. Это привело к усложнению греко-финикийских контактов, в которых взаимовыгоды переплетались с острым соперничеством. В начале VIII в. до н. э. греки создали несколько своих поселений на восточном побережье Средиземного моря. Но в сфере тирского влияния таких поселений не было.

Богатство и внешний блеск Тира скрывали острые внутренние противоречия. В нем развернулась острая социальная и политическая борьба. В какое-то время, нам неизвестное, в городе даже вспыхнуло восстание рабов. Одним из проявлений противоречий стала чехарда на тирском троне. Внук Хирама Абдастарт был убит сыновьями своей кормилицы, и старший из этих сыновей стал царем. После двенадцатилетнего правления он был убит, и на престол вернулась старая династия, представленная еще тремя монархами. Последний из них — Фелет — тоже был свергнут и убит, а власть захватил жрец Астарты Итобаал, ставший основателем новой династии. По-видимому, на какое-то время в руках монарха сосредоточилась и светская, и духовная власть.

Правление Итобаала было временем нового усиления Тира. Стремясь

укрепить свой тыл и обеспечить восточные связи, Итобаал заключил союз с израильским царем Ахавом, за которого выдал свою дочь Иезавель. Археологические раскопки показывают, что в столице Израиля Самарии было очень сильным финикийское влияние. В то же время Итобаалу явно приходилось иметь дело с внутренней оппозицией, к которой принадлежали сторонники прежней династии. И царь нашел выход: он стал основателем новых городов — Ботриса в самой Финикии и Аузы в Северной Африке, куда могли переселиться его противники. Эти события стали началом второго этапа финикийской (точнее, тирской) колонизации.

Причины новой колониальной экспансии Тира были более сложными, чем первой. Теперь не столько относительное перенаселение, сколько экономические, социальные и политические резоны толкали Тир на создание своих колоний в центре и на западе Средиземноморья. В колониационном движении приняли участие оппозиционные группы тирской знати, стремившейся удовлетворить на новых землях свои честолюбивые устремления. Их поддерживали определенные круги рядового населения, надеявшиеся поправить на чужбине свои дела. Среди последних были некоторые земледельцы, которые даже с оружием в руках требовали переселения за море. Нецеленоправные «сидонские мужи» явно тоже участвовали в этом движении, хотя и на новой родине они сохраняли неравноправие с гражданами. Экономика железного века выдвигала свои требования. На Востоке необходимость объединения ресурсов стала экономической основой (разумеется, не единственной) создания ближневосточных империй. Но этого было недостаточно; требовались и ресурсы более западных регионов, а они находились вне досягаемости восточных владык. Достигнуть их можно было только с помощью колонизации. Со времени первого этапа главным и, пожалуй, единственным представителем Ближнего Востока в его связях с Дальним Западом был Тир. И необходимость привлечения западных ресурсов к восточной экономике стала экономической причиной тирской колонизации.

В ходе колонизации финикийцы обосновались на огромных пространствах Средиземноморья: на южном берегу Кипра, на северном побережье Африки к западу от Египта, на Сицилии, Сардинии, на юге Пиренейского полуострова. Хотя в колонизации принимали участие самые разнообразные силы, в том числе оппозиционные правящей династии, финикийские колонии не становились самостоятельными, а подчинялись Тиру, входя в состав его обширной морской державы. Это вытекало из обычного восточного представления о зависимости колоний от метрополии (и поэтому позже ассирийские и вавилонские цари могли считать себя владыками западных финикийских городов на основании своего

господства над Тиром), и из финикийского представления о том, что царская власть: в том числе и в новооснованных городах, могла принадлежать только одному роду. Правда, и в Тире, и в других городах сменяли друг друга разные династии, но все они являлись ответвлениями одного царского рода, правившего в данном городе. Поэтому и колонии были вынуждены признавать верховную власть тирского царя.

В этом правиле возникло только одно исключение. В последней четверти IX в. до н. э. в Тире возник острый конфликт между царем Пигмалионом, правнуком Итобаала, и верховным жрецом Ахербом. На этот раз конфликт между царской и жреческой властью завершился победой царя. Ахерб был казнен. Его вдова Элисса, сестра царя, с группой своих сторонников бежала сначала на Кипр, а затем переправилась в Северную Африку. Там в 823 г. до н. э. беглецы основали Новый Город — Карфаген. Во главе его встала Элисса. Поскольку она сама принадлежала к царскому роду, Карфаген изначально мог не признавать власть Тира и стать совершенно самостоятельным.

Второй этап колонизации охватывает IX—VII вв. до н. э. За это время в самой Финикии произошли важные изменения. Восточные владыки, естественно, не удовлетворялись лишь торговлей с Финикией и получением отсюда и ее собственных богатств, особенно леса, и западных товаров. Они стремились установить свою власть над этой страной. Египет в I тысячелетии до н. э. уже был далеко не столь силен, как в предыдущем. И хотя первые фараоны XXII династии Шешонк и Осоркон как будто сумели на некоторое время захватить Библ, в целом египетско-финикийские отношения были равноправными. Центром связей с Египтом по-прежнему был Библ, хотя торговали с египтянами и другие города, включая Тир. Египетская торговля весьма обогащала Библ, и этот город стал играть в Северной Финикии почти такую же роль, как Тир в Южной.

Опасность надвигалась на Финикию с востока, где вновь усилилась Ассирия. Еще на рубеже XII—XI вв. до н. э. ассирийский царь Тиглат-Паласар I совершил поход в Финикию и заставил Библ, Арвад и Сидон заплатить ему дань. Правда, этот поход так и остался единственным, ибо после смерти воинственного царя Ассирия вновь вступила в полосу глубокого упадка. Но в IX в. до н. э. ассирийские цари возобновили западные походы. Возможно, именно страх перед ассирийцами толкнул Итобаала на союз с Ахавом. Но союз с Израилем оказался непрочным. Сын Ахава (и внук Итобаала) был свергнут и убит вместе со своей матерью, и союз Израиля и Тира фактически расторгнут. Сын Итобаала Балсазор был вынужден платить дань ассирийскому царю Салманассару III. Арвад

и Библ пытались сопротивляться. Они приняли участие в антиассирийской коалиции, которая одержала победу над ассирийцами в 853 г. до н. э. в битве при Каркаре. Но вскоре после победы коалиция распалась, и некоторые ее участники, как Дамаск и Израиль, выступили друг против друга. Это позволило Салманасару собраться с силами и нанести новые удары своим западным противникам.

В 744 г. до н. э. ассирийским царем стал Тиглат-Паласар III, который, проведя важные военные реформы, не только возобновил агрессию на западе, но и резко изменил саму военную политику. От грабительских походов ассирийцы перешли к созданию территориальной империи. В скором времени жертвами этой новой политики ассирийских царей пали финикийские города. Города северной части Финикии, кроме расположенного на острове Арвада, были захвачены ассирийцами и включены непосредственно в ассирийские владения. Периодическая дань была заменена постоянным и довольно тяжелым налогом. Арвад и южные города сохранили свои династии и внутреннее самоуправление, но подчинились ассирийскому царю. Рядом с местным монархом встал уполномоченный ассирийского владыки, без ведома которого местный царь не мог проявлять никакой политической инициативы и даже читать корреспонденцию. В это время политического единства Тира и Сидона уже не существовало, и оба города со своими соответствующими царями по отдельности подчинялись Ассирии.

В конце VIII в. до н. э. кипрские колонии Тира попытались выйти из подчинения ему. Царь Элудай подавил это восстание. Гордый своей победой, он решил отказаться от подчинения Ассирии. Но ассирийский царь Саргон разгромил Элудая. Тот бежал на Кипр, где и погиб. В наказание Тир был лишен своих владений на материке (правда, позже часть их ему была возвращена). В этих условиях финикийские города Кипра освободились от тирской власти и стали непосредственно подчиняться ассирийскому царю. Это стало началом распада Тирской державы, но на западе и в центре Средиземноморья эта держава не только еще сохранялась, но и расширялась, ибо все эти политические перемены не прекратили колонизацию. Более того, они ее явно усилили, ибо к прежним резонам переселения прибавился новый: страх перед ассирийцами.

Этот страх был весьма обоснован. Как известно, ассирийцы сознательно избрали террор орудием установления и сохранения своего господства. И попытки освобождения от их власти кончались довольно печально. Восстание Сидона в начале правления ассирийского царя Ассархаддона в 677 г. до н. э. завершилось полным разрушением Сидона и лишением его даже призрачной самостоятельности. Нелюбовь Тира,

как уже говорилось, стоила ему владений на материке. Часть подчиненного населения уводилась с родины и заменялось новым. Так, полностью сменилось население города Ахзиба, одно время подчинявшегося Тиру. После разрушения Сидона его жители тоже были уведены в Ассирию. Правда, позже Сидон был восстановлен и вновь населен финикийцами.

В этой жесткой политике явным исключением выглядит отношение ассирийцев к Тиру. Даже после очередных актов неповиновения ассирийские цари не уничтожали этот город и не ликвидировали его автономии, ограничиваясь его подчинением и некоторыми наказаниями. Тот же Ассархаддон после подавления восстания тирского царя Баала заключил с ним договор, в большой степени ограничивший власть последнего, но все же в целом ее сохраняющий. Это было обусловлено, естественно, не особой любовью Ассирии к Тиру, а интересами самих ассирийцев, ибо Тир сохранял свою роль важнейшего узла связи Востока с Западом, и через него Ассирия получала столь необходимые ей западные продукты, в том числе металлы Испании и других стран Западного Средиземноморья.

Падение Ассирии в конце VI в. до н. э. освободило финикийцев от подчинения этому государству. Но наследство первой переднеазиатской империи сразу же стало предметом схватки новых хищников. Претензии на власть в Финикии и окружающих районах выдвинули Египет и Вавилон. В условиях ожесточенной схватки этих держав местные царьки были слишком слабы, чтобы играть самостоятельную роль. Им надо было лишь поставить на ту или иную карту. Тир поставил на Египет, с которым его связывали торговые интересы и знакомая власть которого казалась более предпочтительной. Но верх в этой борьбе взял Вавилон, и его царь Навуходоносор совершил ряд походов, приведших к подчинению всего этого региона, включая Финикию. Тир попытался сопротивляться. Осада его вавилонянами продолжалась тринадцать лет. Взять островной город вавилонский царь не смог, но в итоге Тир был вынужден все же признать его власть. В результате походов Навуходоносора часть финикийского населения была переселена в Месопотамию. На какое-то время в Вавилоне оказались цари Тира, Сидона, Арвада. В Тире на 7–8 лет царский трон пустовал, и власть в нем осуществляли суфеты, возглавлявшие тирскую общину. Затем царская власть в Тире была восстановлена, но временное ее отсутствие привело к необратимым изменениям в Тирской державе.

В финикийских городах существовало своеобразное двоевластие: царя и гражданского коллектива, объединенного в общину. Каждая община, включая общину городского центра, была довольно суверенна в своих внутренних делах. Это относится и к городам, основанным финикийца-

ми за морем, т. е. к колониям. В Тирекой державе царская власть по существу являлась единственной скрепой, объединяющей множество колоний с Тиром. Ликвидация, хотя и временная, этой скрепы и привела к полному распаду державы. Тирские колонии на Западе стали полностью независимыми городами.

После захвата Вавилона персами в 539 г. до н. э. финикийские города спокойно признали власть персидского царя Кира. Позже царь Дарий провел административную реформу, разделив свое царство на 20 сатрапий. Финикия вместе с Сирией и Палестиной составила пятую сатрапию — «Заречье», отделенную от Месопотамии и Персиды рекой Евфрат. Вся эта сатрапия платила персам сравнительно небольшую дань, гораздо меньшую, чем ранее ассирийцам и вавилонянам. Автономия финикийских городов была сохранена, ими продолжали править собственные цари, и во внутренние дела финикийцев персы не вмешивались.

Персидским царям было выгодно привлечь на свою сторону финикийцев, ибо их корабли составляли существенную часть персидского флота. Когда царь Камбиз после покорения Египта решил покорить и Карфаген, он приказал финикийцам со своими кораблями участвовать в этой экспедиции. Финикийцы отказались, и Камбиз был вынужден оставить эту идею. С другой стороны, сравнительно мягкое персидское правление было выгодно и финикийцам, ибо мощь Персии помогла им в конкурентной борьбе, особенно с греками. Финикийцы приняли активное участие в греко-персидских войнах, и в несчастной битве при Саламине в 480 г. до н. э. особо выделялись сидонский царь Тетрамнест, тирский Маттен и арвадский Мербаал. После этих войн, закончившихся поражением Персии, значение для нее финикийского и сирийского побережья увеличилось, ибо после вытеснения персов с западных берегов Малой Азии морские базы в Финикии и Сирии в значительной степени обеспечивали персам контроль над Восточным Средиземноморьем.

В персидскую эпоху на первое место среди городов Финикии выдвигается Сидон. Его корабли были лучшими в персидском флоте. За какие-то «великие дела», нам не известные, персидский царь передал сидонскому царю «навечно» города Дор и Яффу и всю плодородную Шаронскую долину в Палестине (правда, «вечность» дарения не помешала потом эти дары у Сидона отнять). С появлением монеты только на сидонских монетах на реверсе имелось изображение персидского царя, что говорит о несколько иных, чем у остальных финикийцев, связях Сидона с персидской династией Ахеменидов.

Появление монеты в середине V в. до н. э. явилось признаком начавшихся изменений в жизни финикийцев. Финикийская экономика из дав-

на носила преимущественно товарный характер. Однако до середины V в. до н. э. финикийская торговля во многом сводилась к товарному обмену, а при необходимости финикийцы (в том числе и западные) использовали греческие монеты. С середины же этого века в Тире, Сидоне, Библе, Арваде появляется собственная серебряная и бронзовая монета. Финикийская экономика стала не только товарной, но и монетарной.

Другим признаком начавшихся изменений стала попытка финикийских городов согласовать свою политику и создать некое подобие конфедерации внутри Персидской державы. С этой целью сидоняне, тирийцы и арвадцы построили в северной части Финикии «тройной город» (Триполис, как его называли греки), в котором в отдельных кварталах жили выходцы из этих городов и где собирались финикийские цари со своими советниками для рассмотрения общих дел. Возможно, на таком собрании в 349 г. до н. э. финикийцы и приняли решение восстать против персов.

С течением времени в Персидской державе проходили необратимые изменения, ведущие к ее упадку. Против царя восставали собственные сатрапы, в том числе и сатрапы Заречья. В 404 г. до н. э. свои права на престол вооруженным путем пытался осуществить царевич Кир Младший. Египет на несколько десятилетий освободился от персидской власти, и его фараоны попытались вновь установить египетское господство в Передней Азии. Эти и подобные войны и мятежи нарушали свободную сухопутную и морскую торговлю, в которой так были заинтересованы финикийцы. Военная мощь персидских царей приходила в упадок и не могла более служить финикийцам надежным щитом. Дальнейшее развитие товарного хозяйства все более связывало финикийских купцов с их греческими коллегами. Начало проникать в Финикию и культурное влияние Греции. Все это делало господство персов все более тягостным.

В 349 г. до н. э. финикийцы восстали. Душой восстания был Сидон. В ходе восстания выяснилось различие интересов сидонского царя Теннеса и сидонских граждан. Последние были заинтересованы в бескомпромиссной борьбе с персами, а царь в решающий момент пошел на сговор с персидским сувереном и предал город. В 345 г. до н. э. персидские войска ворвались в Сидон. Горожане оказали им мужественное сопротивление, но были сломлены. Город был полностью разрушен, 40 тысяч человек погибли, а остальных персидский царь увел в рабство. Однако полное разрушение и подчинение Финикии было персам, как и ранее ассирийцам, невыгодно. Вскоре Сидон был восстановлен, вновь населен финикийцами, и в нем появился собственный царь Абдастарт.

Через одиннадцать лет после подавления финикийского восстания во владения персидского царя вторглась армия Александра Македонского.

В 333 г. до н. э. в битве при Иссе персы были наголову разгромлены, и войска Александра вторглись в Финикию. Цари финикийских городов, в том числе Сидона и Тира, во главе своих эскадр находились в составе персидского флота. А финикийские города в этих условиях предпочли мирно покориться новому завоевателю. Только Тир, надеясь на свое островное положение и на помощь Карфагена, оказал Александру упорное сопротивление. Осада Тира продолжалась семь месяцев. Македонский царь приказал построить дамбу, соединяющую остров с материком, и по этой дамбе македонские воины двинулись к городу и взяли его штурмом. Позже около дамбы накопились пески и различные донные отложения, так что Тир стал отныне не островным, а полуостровным городом.

Македонское завоевание открыло в Финикии, как и в других странах Ближнего Востока, новую эпоху, качественно отличающуюся от прежней, — эллинистическую. В эту эпоху финикийская цивилизация постепенно теряет свои оригинальные черты, растворяясь в общегреческой, отмеченной преобладанием эллинизма. Финикийские божества, как правило, отождествляются с греческими (а нозже и с римскими), финикийское искусство и ремесло принимает общегреческие и общеримские формы, финикийский язык все более уступает свои позиции греческому. Финикийские города теряют свой политический и социальный строй, исчезает местная монархия, города превращаются в обычные провинциальные города эллинистических государств, а затем Римской империи.

Что касается политической истории Финикии, то надо отметить, что после смерти Александра она стала «яблоком раздора» в борьбе его преемников. Сначала ею завладели Птолемей, центром владений которых был Египет, а затем она перешла под власть другой эллинистической династии — Селевкидов. Вместе с остатками этой державы Финикия в 64 г. до н. э. была присоединена к Риму. В I в. н. э. здесь начало распространяться христианство, которое полностью покончило с финикийской религией и мифологией. После распада Римской империи на Западную и Восточную Финикия, естественно, стала частью последней. В VII в. н. э. ее завоевали арабы, которые ассимилировали остатки финикийцев и распространили здесь ислам. И само название Финикии и финикийцев полностью выходит из употребления, возрождаясь позже уже в работах исследователей.

Финикийские города Кипра вместе со всем островом тоже перешли под власть Птолемеев. Там, пожалуй, даже быстрее, чем в Передней Азии, финикийцы эллинизировались, утратив свой язык, письмо, религию. Финикийец из кипрского города Киттия Зенон уехал в Афины, и там

в свое, специальном помещении на площади, стал учить своей философии греков. Так появился стоицизм, одно из наиболее распространенных философских учений эллинистическо-римской эпохи. В 58 г. до н. э. Кипр был присоединен к Риму, и его дальнейшая судьба оказалась нераздельной с историей римского Восточного Средиземноморья.

Несколько иначе, но в том же направлении, развивалась история западных финикийцев. После распада Тирской державы претендентом на наследие Тира на Западе стал Карфаген, который, как уже говорилось, в эту державу изначально не входил. Борясь и с внешними соперниками, преимущественно греками, и с местным населением, и с собственными родственниками — другими финикийскими городами этого региона, Карфаген упорно строил свою державу. И это ему удалось. В начале III в. до н. э. карфагенские владения охватывали значительную часть Северной Африки, большую часть Сицилии и Сардинии (а юридически, кажется, и Корсику), острова Мальтийского архипелага, Южную и Юго-Восточную Испанию, включая некоторые Балеарские острова. Карфаген стал одним из сильнейших и процветающих государств этого времени. Элисса, основательница Карфагена, осталась единственной царицей в истории этого города, и после ее смерти Карфаген стал республикой. Постепенно в нем сложился тот социальный и политический строй, который характерен для греческих городов-государств — строй полиса, в котором верховной властью обладал гражданский коллектив. Но в Карфагене, как, впрочем, и в некоторых греческих полисах, реальная власть оказалась в руках узкой олигархической верхушки этого коллектива. Нецелесообразная эксплуатация подчиненного населения и активная торговая политика привели к росту богатства и значения Карфагена и его правящей группировки, которую, естественно, тоже раздирали свои противоречия. Стремясь ко все большему расширению своей державы, Карфаген столкнулся с Римом, который тоже рвался к установлению своего господства в Средиземноморье.

В 264 г. до н. э. началась первая война между Римом и Карфагеном. Долгое время война шла с переменным успехом, но в конце концов римляне все же одержали победу. Карфагеняне были вынуждены уступить им Сицилию. Это поражение спровоцировало тяжелейший политический и социальный кризис в Карфагене, выразившийся в первую очередь в мощном восстании рабов, подчиненного населения и бунтующих наемных солдат. С большим трудом карфагенский полководец Гамплькар Барка, к этому времени прославившийся в войне с Римом, подавил восстание. Но за это время Карфаген потерял Сардинию и Корсику, которые он вынужден был отдать ненавистному Риму, а также Южную Ис-

панию, освободившуюся от карфагенской власти. Гамилькар, подавив восстание в Африке, отправился в Испанию, где он не только восстановил карфагенское господство, но и расширил его сферу. В войне с испанцами Гамилькар был убит, а его преемниками в этой стране стали его зять Гасдрубал и сын Ганнибал. В результате деятельности этих полководцев из семьи Баркидов в Испании возникла полунезависимая держава Баркидов, в период своего наибольшего расцвета лишь номинально подчиняющаяся центральному правительству в Карфагене.

В 218 г. до н. э. Ганнибал фактически спровоцировал вторую войну с Римом. Выполняя стратегический план, намеченный еще его отцом Гамилькаром, он двинулся с основной частью своей армии в Италию, оставив в Испании своего брата Гасдрубала. В Италии Ганнибал одержал ряд громких побед, стяжавших ему славу одного из лучших полководцев во всей истории человечества. Особенно его прославила битва при Каннах в 216 г. до н. э., ставшая классическим примером битвы на окружение и почти полное уничтожение противника и превзойденная в этом качестве только Седаном в 1870 г. и Сталинградом в 1942—1943 гг. Но одержать решающую победу над римлянами Ганнибал так и не смог. Да и правящая карфагенская олигархия не очень-то ему доверяла и не оказала нужной поддержки в решающий момент. В Испании римляне разгромили карфагенян и в 206 г. до н. э. полностью их оттуда вытеснили. Через два года римляне высадились в Африке, и карфагенское правительство отозвало из Италии Ганнибала. Ганнибал был разбит при Заме в 202 г. до н. э., и карфагенянам не оставалось ничего другого, как в следующем году заключить мир. Этот мир покончил с Карфагенской державой. Территория Карфагенской республики была сведена к небольшой территории вокруг самого города. В политическом плане Карфаген оказался под фактическим протекторатом Рима.

Экономическое значение своего города карфагеняне довольно скоро восстановили, но это вызвало подозрение римлян. В 149 г. до н. э. началась третья война, которая фактически свелась к трехлетней осаде Карфагена. Наконец, в 146 г. до н. э. римляне ворвались в город и после ожесточенных уличных боев овладели им. Территория Карфагенской республики была присоединена к Риму, а сам город по решению римского правительства был полностью разрушен, а его земля в знак вечно-го проклятия засеяна солью. Через сто лет Карфаген был по решению Цезаря восстановлен и скоро снова стал одним из крупнейших центров Средиземноморья. Но это был уже другой город, практически ничего общего с финикийским не имеющий.

К этому времени под властью Рима оказались и все другие фини-

кийские города Запада. Под римским влиянием финикийская цивилизация в этом регионе довольно быстро исчезла, и с I в. н. э. можно говорить уже только об ее пережитках.

За многие века своего существования Финикия сыграла огромную роль в истории Передней Азии и средиземноморского мира. Финикийцы были прекрасными судостроителями и мореходами. Когда в свое время фараону Тутмосу III понадобились корабли для похода по Евфрату, он приказал их построить в Библе. Оттуда на колесницах корабли были перевезены до Евфрата и спущены на воду. В VI в. до н. э. фараон Нехо поручил финикийцам оплыть вокруг Африки. Их корабли вышли в Красное море и, постоянно держа курс вдоль берега, время от времени высаживаясь туда для посева и сбора урожая; они за три года оплыли материк и вернулись в Египет с запада. Карфагенский флот во главе с Ганноном проплыл вдоль западного побережья Африки, вероятно всего, до современного Камеруна, а в это же время брат Ганнона Гимилькон возглавил морскую экспедицию в северном направлении, добрались, вероятно, до нынешней Ирландии. Плавали финикийцы, особенно карфагеняне, и в глубь Атлантического океана, добрались, несомненно, до Азорских островов и, может быть, до Канарских. Время от времени появляются сенсационные сведения об открытии финикийских следов в Америке, но каждый раз такие сенсации оказываются «дутьими».

Являясь в течение долгого времени главным соединительным звеном между мирами Востока и Запада, финикийцы сыграли большую роль во взаимном знакомстве этих миров. Когда в Греции, Этрурии, Южной Испании возникла необходимость в появлении новой культуры, ибо старая уже не удовлетворяла новое общество, там становившееся, то ее деятели обратились к сокровищам тысячелетней культуры Ближнего Востока. И основным «передатчиком» этой культуры стали финикийцы. Так в Европе возникла «ориентализирующая» культура. В Греции и Этрурии она стала эталом в создании собственной культуры. И переоценить роль финикийцев в возникновении этого этапа невозможно. Еще более значительным оказалось значение финикийцев в создании и развитии культуры южноиспанского государства Тартессе, время существования которого как раз и совпадает со временем существования ориентализирующей культуры испанского юга.

Находясь на перекрестке различных древневосточных цивилизаций и будучи активными торговцами и моряками, финикийцы, естественно, и сами испытывали влияния соседних культур. На них влияли и жители Месопотамии, и хетты из Малой Азии, и соседние египтяне, и греки, как в микенские времена, так и много позже. Но особенно велико было влия-

яние Египта. Оно довольно ясно проявилось в финикийском ремесле и искусстве. Надо заметить, что при нынешнем состоянии наших знаний, когда раскопки дали прекрасные результаты в основном в колониальном мире, а в самой метрополии они еще очень скудны, говорить о финикийском искусстве очень трудно. Подавляющее большинство известных нам продуктов не выходит за рамки ремесла. Финикийские изделия относятся преимущественно к «малым видам». Торговцы стремились в первую очередь иметь такие произведения, которые можно было удобно транспортировать и хорошо продавать. Это не значит, что финикийцы были вовсе лишены чувства прекрасного и оригинальности. Многие работы, особенно изделия из слоновой кости и произведения ювелиров, поражают своим изяществом, тонкостью, выходящей за пределы утилитарной необходимости, своеобразной красотой. Выразительны глиняные маски, известные пока только из западных колоний, бусы из стекловидной пасты с изображениями человеческих лиц, фигуры на саркофагах и каменных стелах. Почерпнув искусство изготовления металлических чаш из Месопотамии и Малой Азии, финикийские мастера украшали их оригинальным орнаментом. На Западе, особенно в Карфагене и сфере его влияния, изготовлялись такие уникальные предметы, как острые вогивные топоры, известные как «бритьи»; лезвия таких «бритьи» покрывались изображениями преимущественно человеческих фигур, и мастера с одинаковой легкостью изображали эти фигуры то в египетском, то в греческом, то в собственно финикийском стиле.

Важнейшим вкладом финикийцев в мировую культуру стало изобретение ими особой системы письма. Люди всегда стремились создать инструмент, с помощью которого было бы можно надолго сохранять речь, то или иное сообщение. Сначала люди пытались теми или иными способами закрепить содержание сообщения, так что каждый знак, — графема, как его называют в науке, передавал то или иное понятие. На этом принципе до сих пор основана китайская система. Позже в Египте и Передней Азии пошли по другому пути: письмо должно передавать звучание слова, а не его содержание. Это позволило резко сократить число графем. В Египте возникла иероглифическая система. С помощью рисунков египтяне передавали слова и слоги своего языка, а чтобы не путать содержание тех или иных слов, использовали еще так называемые детерминативы, не читаемые, но определяющие, к какому классу относятся написанные слова. Всего в Египте насчитывалось несколько тысяч иероглифов, хотя наиболее распространенных было около 700. Для письма египтяне использовали папирус. В Месопотамии, где папируса не было, писчим материалом стала глина, и написанные на ней знаки приобрели

вид «клиньев». В месопотамской клинописи укрепился принцип передачи слогов, что позволило сократить число графем до нескольких сот. Эти и другие подобные системы письма были довольно сложны, овладение ими требовало долгого и тщательного изучения, которое велось в специальных школах, так что грамотность стала делом сравнительно узкого круга жрецов и профессиональных писцов. Все это не удовлетворяло финикийских торговцев, как и их соседей. И они стали искать пути более простой передачи различных сообщений.

В течение практически всего II тысячелетия до н. э. (по крайней мере, его второй половины) в Переднеазиатском Средиземноморье шли поиски создания более простой письменности. Такие попытки делались в Угарите, где, как и в Месопотамии, использовали глину, и поэтому знаки тоже приобрели клинописный вид. Но угаритская письменность принципиально отличалась от месопотамской: в ней каждая графема обозначала отдельный звук, т. е. был применен алфавитный принцип, хотя не последовательно, ибо гласные звуки не обозначались. Но внешний вид угаритских писем был очень сложным, и угаритская письменность не нашла распространения за пределами этого царства, а с гибелью Угарита и вовсе перестала существовать. Свои попытки создания простого письма делали и в других местах. Но решающий шаг был сделан финикийцами к концу II тысячелетия до н. э.

Для внешней формы своих знаков финикийцы обратились к египетским иероглифам. Но, выбрав некоторые из них, они резко упростили их написание. А главное: они придали каждому знаку значение определенного согласного звука, к которому мысленно прибавлялся любой гласный звук — или не прибавлялся, если это было не нужно. Как и в угаритском письме, здесь нельзя говорить о полном алфавите; письмо практически оставалось слоговым, ибо каждая графема на деле обозначала не звук, а слог. Но принципиально было то, что самих знаков стало теперь всего 22, так что выучить их ни для кого не составляло труда, а начертание этих знаков было очень простым и легко воспроизводимым.

Простота финикийского письма была быстро оценена их соседями. Многие восприняли это письмо, лишь изменяя постепенно начертание тех или иных графем и приспособив его к своему языку. На этом принципе основаны, например, современные еврейская и арабская письменности. По иному пути пошли греки. Они использовали те знаки финикийского письма, которые не имели соответствия в греческом языке, прибавили к ним некоторые ими изобретенные и придали этим знакам значение гласных. Так в Греции появился подлинный алфавит, восходящий, однако, к финикийскому письму. Позже на основе греческого воз-

нию и латинское, и славянское письмо. Можно говорить, что все современные системы письма, кроме тех, что относятся к «дальневосточному кругу», восходят к финикийскому.

Оригинальные черты, несомненно, были свойственны финикийской религии и мифологии. Исследования все более показывают схожесть религиозно-мифологических представлений финикийцев с представлениями других западносемитских народов, в том числе угаритян и евреев (до того времени, когда еврейская религия была радикально трансформирована религиозными реформами и утверждением единобожия). По своей структуре финикийская религия была довольно архаична, сохранив очень много элементов старины.

Раздробленность страны, сложное переплетение старых родовых и новых, возникших уже в период государственности, представлений, неравномерное влияние других народов — все это вело к почитанию финикийцами множества божеств, функции которых часто переплетались. Появлялись различные божества с одинаковыми или близкими «обязанностями», культы которых были тем не менее самостоятельными. Порой унаследованные от седой старины божества, сохраняя прежние имена, приобретали новые черты, причем в разных городах разные. Финикийцы унаследовали от родового общества страх перед подлинными именами тех или иных божеств, и поэтому, называя божество, часто использовали такие слова, как «Эл» («бог»), «Баал» или «Баалат» («владыка, владычица»), «Адон» («господь»); одновременно эти наименования могли относиться и к конкретному богу, будучи его собственным именем. Поэтому порой бывает очень трудно разобрать, какое же конкретное божество скрывается под тем или иным названием.

В финикийской религии существовали и общепиникийские (даже общесемитские или западносемитские) божества, хотя они могли в каждом отдельном городе приобретать некоторые специфические черты, и божества, почитаемые только в данном месте. Каждый город имел свое божество-покровителя, в образе которого воплощалось все самое ценное для данного города. К этому надо прибавить заимствования чужих богов, почитание вод, гор, деревьев, тех или иных животных, а также небесных светил. Все это придавало финикийской религии довольно хаотичный вид.

Во II тысячелетии до н. э. верховным богом финикийцев был Эл. Это был бог по преимуществу, он считался царем богов и людей. Однако реально Эл уступил свою власть другим богам, оставаясь, вероятно, их верховным созеренном. В I тысячелетии до н. э. культ Эла еще более отступает. Возможно, что некоторые черты этого бога были перенесены на

Баал-Хаммона, культ которого был широко распространен в Карфагене, хотя почитался он и в метрополии. Имя этого бога толкуется по-разному, но наиболее вероятно, что оно означает «Владыка Жара», что связано с его качеством солнечного божества. Но вообще-то функции Баал-Хаммона были более разнообразными. Он был не только солнечным богом, но и богом земного мужского плодородия и повелителем подземного мира. Изображался Баал-Хаммон в виде могучего старца, восседающего на троне, украшенном керубами — крылатыми зверями с человеческими головами, являвшимися стражами и символами священного места. Этот бог обычно поднимал в благословляющем жесте правую руку, а в левой держал посох, украшенный либо хлебным колосом, либо сосновой шишкой — символом плодородия и мужской силы.

В качестве солнечного божества Баал-Хаммон был связан с небесным миром. Но у финикийцев существовал и отдельный бог — Баал-Шамем (Владыка Небес). Официально он считался одним из самых высших богов. Его считали (по крайней мере, в некоторых вариантах мифов) и одним из первых появившихся божеств, единственным господином неба. Владыка Небес посылал на землю дождь, бурю, молнию, ветер.

Финикийцы почитали небесные светила. Они обожествляли «утреннюю звезду» Венеру. Особая звезда была посвящена Элу. Были и самостоятельные божества солнца (Шемеш) и луны (Йарих). Особым божеством была и земля (Ариц). Ариц была сестрой и супругой Неба и матерью Эла. Существовал ли отдельный культ земли как таковой, мы не знаем. У финикийцев, как и у многих других народов, был обычай давать детям имена, включающие упоминания особо популярных божеств, ставя таким образом детей под покровительство этих богов и богинь. Пока ни одного имени с элементом *-арц* не обнаружено.

Отдельные горы или страны, те или иные участки земли тоже имели своих владык. Финикийцы почитали таких богов, как Баал-Лебан (Владыка Ливана), господствующий над Ливанскими горами, или Баал-Цанон (Владыка горы Цанан), властвующий над севером их вселенной. Баал-Цанон был не только царем севера, но и богом грома и бури, умиротворяющим и воскресающим богом. Во II тысячелетии до н. э. этот бог был весьма почитаем в Угарите и, возможно, занимал центральное место в угаритской религиозной системе, хотя и подчинялся Элу (Илу).

Искусные мореплаватели и морские торговцы, не презиравшие и притворством, финикийцы не могли не почитать морские божества. Древним ханаанейско-аморейским богом был Йам. Его весьма почитали в разных местах финикийского мира. Видимо, именно его подразумевали греки и римляне, говоря о финикийских богах Поппе, Посейдоне или Нептуне.

Древним общезфиникийским богом был Решеф, чье имя обозначает «пламя, искра, молния». Это был бог войны и бури, дождя, дающего плодородие земле, эпидемии и излечения от нее. Решеф был связан с солнцем и считался хранителем договоров. Изображался он обычно в виде юноши с луком. Другим воинственным богом был Баал-Магоним (Владыка Щитов), символом которого был конь. Круг его почитателей постепенно уменьшался, хотя в воинских кругах он пользовался почетом довольно долго.

Финикийцы почитали бога судьбы Хагада (или Гада) и бога смерти Мота. Жизнь урожаю давал Дагон, податель нищи, брат Эла (в Угарите он считался отцом Баал-Цафона). Богом-ремесленником был Хусор. Видимо, он же подразумевался под именем Баал-Малака — «Владыка Работы».

Особое место в финикийской религии занимали боги-целители — Эшмун, Цид, Шадрара. Наиболее известен из них Эшмун. Он был умирающим и воскресающим богом, связанным и с миром смерти, и с плодородием земли. Его отец Сидик (Праведный) являлся, вероятно, судьей в подземном мире. Эшмун и его братья Кабирь были предками профессиональных врачей и изобретателями судна, перевозившего души умерших через небесный океан. С Эшмуном финикийцы связывали надежды не только на исцеление от болезней, но и на воскресение, т. е. на исцеление от смерти. Поэтому священным животным этого бога была змея, служившая символом вечного обновления и вечной жизни. Близкие аспекты выявляются и в образах Цида и Шадрары. Неизвестно, умирал ли и воскресал Цид, но других он воскрешал, как бога Мелькарта. Шадрара же был богом не только лечащим, но и воюющим и царствующим над миром людей и зверей.

Из богинь особо выделяется Астарта (Аштар), принадлежавшая к самому древнему слою не только финикийской, но и общесемитской религии и мифологии. В частности, семиты, населявшие Месопотамию, называли ее же Иштар. В первую очередь Астарта являлась богиней плодородия. Затем ее функции были перенесены на мир людей, и она стала богиней любви. Часто Астарту изображали в виде обнаженной женщины, сжимающей руками груди, с подчеркнутыми признаками пола. Но иногда она появлялась вооруженной, ибо одновременно была богиней воинственной. Порой на ее голове появлялись рога, бывшие в семитском мире знаком царственности. Астарта выступала и как покровительница царской власти, и как богиня-охотница, была она связана с луной (как Баал-Хаммон с солнцем). Возможно, все эти черты богиня приобретала постепенно, вбирая в себя характеристики других богинь, все более отступающих на задний план. Одной из таких богинь могла быть Анат.

В угаритской мифологии Анат (Анату) играла очень большую роль, будучи, в частности, возлюбленной бога Баала (Балу-Цапану). У финикийцев она была дочерью Эла и одним из тех божеств, которым Эл передал власть над миром. Но ее удел находился вне самой Финикии. Может быть, из-за звукового сходства имен ее отождествили с греческой Афиной и сделали госпожой Атики. В I тысячелетии до н. э. культ Анат засвидетельствован только на Кипре. В образах Астарты и Анат очень много общего. В Угарите они часто выступали вместе, и обе были символом женской красоты. И Астарта, и Анат были одновременно и девами, и супругами, и даже матерями. Это представление о деве-матери, бессмысленное с точки зрения земного здравого смысла, вполне принимается в религии и относится, возможно, тоже к самым древним западносемитским (или вообще семитским) верованиям.

С плодоносящими силами земли связана Тиннит, бывшая одновременно и небесной богиней. Вообще ее функции поразительно совпадают с функциями Астарты. В самой Финикии она и была связана с Астартой, может быть, считалась ее дочерью. Особенно велика ее роль была в Карфагене, где, начиная с V в. до н. э., она вырастала до положения верховной богини, главной покровительницы города и державы. Вполне вероятно, что именно ее подразумевали греки, говоря о «божестве карфагенян».

В Сидоне таким богом-покровителем был Эшмун. Эшмун, как было уже сказано, был общезфиникийским божеством, но в Сидоне занимал особое место. Существовали у финикийцев и божества, связанные исключительно с данным городом. Такова была Баалат-Гебал (Владычица Библа), считавшаяся дочерью Эла. В Тире эту роль играл Мелькарт, чье имя буквально означает «Царь города». Роль Тира в качестве фактически единственной метрополии финикийских колоний привела к широкому распространению культа Мелькарта по всему Средиземноморью. Так, на крайнем западе в испанском Гадесе он стал таким же покровителем города, как и в Тире. Следствием большой экономической роли Тира стало принятие культа этого бога и за пределами финикийского мира, в частности, в Дамаске и на какое-то время, по-видимому, в Израиле (хотя главным богом ни там, ни там он не стал).

Мелькарт был умирающим и воскресающим богом, как и Эшмун. Таким же богом в Библие является Адонис. Он был богом умирающей и возрождающей растительности, неразрывно связанным с водными источниками, особенно с соседней рекой, которую греки так и назвали — Адонис. Возможно, что Адонис приобрел некоторые черты и морского божества, а в морскую пучину он погружался у египетских берегов. Мифология Библа вообще была очень связана с египетской.

Среди богов, заимствованных финикийцами у египтян, значительное место занимал Бес. По-видимому, под этим именем скрывалось даже не одно, а несколько божеств с одинаковыми функциями — защитой людей, особенно моряков. Бес изображался в виде кривоного карлика со змеями. Его культ был широко распространен во всем финикийском мире.

У финикийцев было много божеств с одинаковыми или близкими функциями; например, три бога-целителя. Постепенно некоторые такие божества могли сливаться в одно с двойным или даже тройным именем: Милькастарт (хотя Астарт была богиней, новое божество приобрело мужской пол), Цидтиннит, Цидмелькарт и т. п. (Правда, надо заметить, что не все современные исследователи разделяют такую точку зрения на возникновение этих «двойных» богов). Почитали финикийцы также различных мелких божков, которых в науке называют на греческий манер демонами, отвращающих различные беды от живых и мертвых. Возможно, как и в Угарите и одно время явно у евреев, у них существовала вера в обожествленных предков — рафаимов. Объектами почитания были реки, озера, камни, деревья. Вообще же финикийский божественный мир далеко не исчерпывался названными здесь сверхъестественными существами. Он был гораздо более разнообразен, однако рамки данного «Введения» вынуждают нас ограничиться описанием лишь наиболее характерных его черт.

Жизнь финикийцев была тесно связана с морем, и водное пространство играло огромную роль в их представлениях о мире. Вся видимая вселенная располагалась между двумя океанами — верхним, разливающимся выше видимого неба, и подземным, по которому бог путешествует с вечера до утра. Выше верхнего океана располагалось обиталище человеческих душ.

По мнению финикийцев, каждый человек имеет две души — растительную и дыхательную. Растительная душа продолжает существовать и после смерти, требуя себе всего, в чем нуждался человек в этом мире: пищи, воды, света, порой различных украшений и амулетов, отвращающих несчастье. Видимо, растительная душа была тесно связана с телом и оставалась в могиле, и поэтому финикийцы очень заботились о нерушимости могил. Наиболее распространенным обрядом при погребении было труположение, хотя порой, особенно часто на западе, применялось и трупосожжение. Дыхательная душа на магическом корабле в сопровождении Эшмуна, излечившего ее от всех страданий, а иногда и его братьев Кабиров отправлялась через верхний океан в царство богов. К середине I тысячелетия до н. э. у финикийцев появляется представле-

ние о добродетели и грехе и воздаянии за это. Возможно, с этим воздаянием связана судьба дыхательной души.

Связь с морем и вообще с водным пространством повлияла и на представления финикийцев о начале мира. По их мнению, в начале всего находилась влажная илистая субстанция, из которой боги затем и сотворили вселенную. Творцом вселенной для одних был Эл, для других — бог смерти Мот, содержащий в себе и животворящее начало, для третьих — бог-ремесленник Хусор. Затем были созданы яйцеобразные «стражи неба», солнце, луна, звезды. Следующей ступенью творения стало создание животных. Среди первых обитателей вселенной важное место занимают ветры. В городе Берите (а может быть, и в других местах) рассказывали, что от восточного ветра и темной пустоты родились первые люди. Мифы Тира говорят несколько иначе: люди появились из земли и были формованы из ила. Первые люди, по мнению беритян, поселились в Финикии и установили первый культ Владыки Небес Баал-Шамема. Тирская версия и в этом вопросе иная: по мнению тирийцев, предки финикийцев жили у Эритрейского моря, т. е., скорее всего, где-то в районе Переидекого залива, и только позже прибыли в Финикию.

Финикийцы, как и другие народы, рассматривали развитие мира как смену нескольких поколений богов. Однако созданные в разных городах Финикии генеалогии богов отличаются друг от друга. Довольно ясно выделяются две системы: библейская и тирская. Это могло отражать различия Северной и Южной Финикии.

В начале библейской генеалогии богов стоят Элиун (Высочайший) и его супруга Беруг. Последнее имя довольно загадочно, как на это указывал еще Б. А. Тураев. Оно может означать либо божественную ницу и тем самым быть символом жертвоприношений, либо договор — и быть олицетворением особого договора, заключенного между богом и людьми. Дети Элиуна и Беруг были Небо и Земля, ставшие супругами и родителями следующего поколения богов.

Детьми Земли и Неба были Эл, Бетиль (воплощение священных камней, почитаемых финикийцами), бог урожая Дагон и Атлант (какое финикийское божество скрывается под именем этого персонажа греческой мифологии, мы не знаем). У Неба были и другие женщины, от которых он имел детей. Старший сын Земли Эл, возмущав, решил отомстить за оскорбленную мать и выступил против отца. Он победил его и лишил власти. Однако свергнутый отец еще не раз пытался взять реванш, но каждый раз неудачно. Эл перехитрил отца и в конце концов лишил его мужской силы, тем самым окончательно отняв у него возможность возвращения к власти. Можно в связи с этим отметить, что в Угарите, кроме Эла,

почитался некий Бог Отцовский, о котором мы практически ничего не знаем, но который в списке угаритских богов стоял выше Эла (Илу).

Эл, главная фигура этой части библского мифологического цикла, совершил много славных деяний. Он учредил жертвоприношения в случае великой нужды — сжигать в огне первородных сыновей (ужасный и в то же время героический старинный западносемитский обычай, которым в древности особенно славились именно финикийцы) и обрезание как знак союза с божеством. Он окружил свое жилище стеной и построил первый финикийский город Библ. Эл был отцом многих божеств, в том числе Анат, Решефа, Баала (или Адода). Будучи верховным главой божественного мира, Эл, однако, сам не правил. По одному варианту мифа, он передал землю Баалу, подземный мир Моту, а море Йаму. По другому, власть над землей Эл отдал своей сводной сестре и жене Астарте, сводному брату Демарунту и сыну Адоду. При этом он специально выделил Библ, владычицей которого сделал другую сводную сестру и жену — Баалат-Гебал. Финикийцы считали Эла господином всего мира и поэтому позже приписали ему передачу Египта Таавту (Тоту), а Атти-ки Анат.

Несколько особняком в библской мифологии стоит миф об Адонисе. Библиты рассказывали, что прекрасный юноша Адонис, сын Хусора, любил Астарту. Но прежний возлюбленный Астарты Решеф из ревности наслал на Адониса свирепого вепря, который и убил его на охоте. Астарта воскресила своего возлюбленного, но только частично: часть года он проводит с ней на земле, а часть — в царстве мертвых. По другому варианту мифа, между богиней любви и царицей преисподней возник спор за обладание Адонисом, и по решению верховного бога Адонис должен проводить часть времени в подземном мире, а часть — на земле. В честь Адониса в Библе справляли пышные празднества, которые, однако, начинались в Египте. Считалось, что Адонис жил в садах, и в их честь люди посвящали специальные «сады Адониса», представлявшие собой сосуды с содержащейся в них растительностью.

То место, которое в библской мифологической системе занимал Элин, в тирской — Шамемрум (Вышнее Небо). Он изобрел палани, строя их из тростника, лоз и панируса, и основал город Тир. Братом Шамемрума был бог-охотник Усой. Оба брата враждовали между собой. Тир находился на острове, а напротив него на материке располагался город Ушу, и Усой явно рассматривался как основатель этого города. Вражда братьев, по-видимому, отражала соперничество двух соседних городов. С течением времени Тир взял верх, и Усой превратился в спутника Мелькарта — покровителя Тира.

К общепиникийской (и библской) системе тирский мифологический цикл присоединяется довольно искусственно. Во время войны между Небом и Элом последний взял в плен наложницу отца, которую и отдал в жены своему брату Дагону. Эта наложница была уже беременной от Неба и вскоре родила сына Демарунта. Таким образом, Демарунт не относится к потомству Эла и занимает в мире богов несколько особое место. Вместе с Астартой и племянником Адодом Демарунт получил от Эла власть над землей. Астарта родила Демарунту сына Мелькарта, который и стал покровителем Тира.

Мелькарт, как уже говорилось, был умирающим и воскресающим богом. По одному варианту сказания, он был убит или богом смерти Мотом, или богом моря Йамом и воскрешен Цидом, давшим ему понюхать запах перенелов. Другой вариант рассказывает о смерти Мелькарта в огне, из которого он возродился как бог. По-видимому, существовал и третий вариант: Мелькарт был ребенком, когда его мать, спасаясь от преследования обезумевшего мужа, бросилась с младенцем на руках в море, где оба и были обожествлены.

Тирийцы, как и другие финикийцы (и вообще, по-видимому, западные семиты), приписывали своему богу все самое имя ценное. Они рассказывали, что во время охоты пес Мелькарта раскусил пурпурную раковину и окрасил свою пасть в красный цвет, а нимфа Тира (в финикийском языке слово «город» — женского рода) убедила Мелькарта окрасить свою одежду, и это привело к открытию пурпурной краски. Будучи Владыкой Тира (Баал-Цор), Мелькарт выступал предводителем дальних походов. В частности, он возглавил поход в далекую Испанию, где и умер (а затем воскрес), а его многонациональное войско распалось, и многие из бывших воинов Мелькарта, оставшись на Западе, стали предками народов этого региона.

Мелькарт воплощал светлое начало. Поэтому он всю жизнь сражался с темными силами: чудовищной змеей, оленем и человеческоголовым быком, воплощающими водные потоки; со львом, вепрем и могучим великаном — символами земных чудовищ; с адеким псом, конями, конями с человеческой головой, подобными греческим кентаврам, связанными с миром смерти. Затем он погиб и за свои труды удостоен воскрешения в виде бога, что стало завершением его многотрудной жизни.

В финикийской мифологии можно найти следы других циклов, в частности, сидонского и беритского, но они нам известны гораздо хуже.

Финикийцы, как мы видели, сыграли большую роль в истории древности. Но научное изучение их культуры началось довольно поздно, только в XIX в. В 1817 г. были найдены первые финикийские надписи в

Карфагене, и их изучением занялись семитологи. В 1833 г. датский консул Фальб нанес на карту план карфагенских развалин и тем положил начало археологическому изучению города. В 1837 г. немецкий семитолог В. Гезениус издал работу, посвященную финикийскому языку и письму. Через четыре года появился первый том многотомного труда другого немецкого исследователя — Ф. К. Моверса, который впервые обобщил все известные данные об истории и культуре финикийского мира. В 60-е гг. XIX в. Э. Ренан по поручению Наполеона III совершил экспедицию по территории самой Финикии и произвел там первые раскопки. Позже Ренан стал инициатором выпуска «Корпуса семитских надписей», часть которого составляют надписи финикийские. В России финикийцы стали предметом научного интереса Б. А. Тураева.

Борис Александрович Тураев родился в 1868 г. в старинном городе Новогрудке Минской губернии. После окончания гимназии в Вильно (Вильнюс) он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где специализировался по востоковедению. В рамках востоковедения он занялся изучением Древнего Египта и Эфиопии. Когда Тураев закончил университет, он был послан в длительную заграничную командировку, во время которой пополнял свои знания, слушая лекции выдающихся европейских востоковедов и работая в музеях Берлина, Парижа, Лондона, Италии. Вернувшись в Петербург, Тураев стал в 1896 г. приват-доцентом Санкт-Петербургского университета; с 1904 г. он экстраординарный, а с 1911 г. ординарный профессор. И с этого времени жизнь Тураева неразрывно связана с Петербургом — Петроградом, хотя одновременно он исполнял и обязанности хранителя египетских древностей в Музее изящных искусств в Москве. Научные заслуги Тураева были по достоинству оценены его коллегами. В 1913 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1918 г. действительным членом Академии наук. После революции Тураев принимал активное участие в новых начинаниях, был одним из создателей Академии истории материальной культуры, активно участвовал в работе издательства «Всемирная литература». Но общая атмосфера послереволюционной России его угнетала, и его друзья, коллеги, ученики все больше замечали у него признаки душевной усталости. Умер Борис Александрович Тураев в июле 1920 г. в Петрограде, немного не дожив до 52 лет.

Сам Тураев считал себя в первую очередь египтологом и эфиопистом. И действительно, очень много его работ посвящено этим странам, в том числе истории египетской и эфиопской церкви. Но научные интересы Тураева были много шире. В конце концов, в сфере его интересов оказалась весь Древний Восток, точнее — Классический Восток, т. е. Восток

к западу от Индии и Китая. Его огромные знания позволили ему с одинаковым тщанием и обоснованностью заняться историей и культурой и Месопотамии, и Малой Азии, и Персии, и Сирии, и Палестины.

Достойным исходом огромной научной эрудиции Б. А. Тураева стала его «История Древнего Востока», впервые изданная студентами ученого. Последний раз этот труд был переиздан в 1936 г. под редакцией учеников Тураева В. В. Струве и И. Л. Снегирева. И этот труд остается классическим в отечественном востоковедении. В его основу Тураев положил в первую очередь развитие культуры, в особенности религии, Древнего Востока. Не остались вне его внимания и проблемы политической истории. Вопросы же социально-экономических отношений затрагивались им лишь походя. И издавая в советское время «Историю Древнего Востока», а позже по другим случаям вспоминая деятельность Тураева, советские ученые оправдывали его и отмечали его «отдельные недостатки», обусловленные его незнанием марксизма-ленинизма. Но многие работы марксистских востоковедов ушли в прошлое, а труд Тураева остался одним из высших достижений отечественного востоковедения.

В «Истории Древнего Востока» свое место занимает и история Финикии. Но Тураев посвящал финикийцам и специальные работы. Еще в 1893 г. он издал «Очерк изучения финикийских древностей», где подвел итог европейской историографии финикийских проблем. Издавал он финикийские древности из Голенищевского собрания. В 1920 г. в серии очерков древних литератур, издаваемых «Всемирной литературой», вышли его очерки, в том числе «Финикийская литература». Но, пожалуй, самым важным в этой области стал труд Тураева «Остатки финикийской литературы», вышедший в Петербурге в 1903 г. Здесь ученый не только собрал переводы из тех античных авторов, которые сохранили фрагменты литературы финикийцев, но и снабдил все это большим предисловием и очень ценным и обширным комментарием, который превышает сами переводимые тексты. И значение этого комментария не утрачено до сих пор.

Труд Тураева является вершиной научных достижений того времени. Но ученый разделял и некоторые тогдашние предубеждения, в том числе он отдал некоторую дань гиперкритике, хотя и далеко не столь радикальной, как это было во многих работах тех лет. Это сказалось на его отношении к сообщению Филона о Санхунйатоне как источнике его знаний о финикийской мифологии. Тщательно анализируя сообщения Филона, Тураев пришел к важному выводу, что источником знаний этого писателя были собственные финикийские мифы (а это некоторыми исследователями в то время отрицалось), но что Санхунйатон — фигура,

полностью выдуманная самим Филоном ради придания большего авторитета его писаниям. Сейчас можно говорить, что в этом Тураев ошибался. И значительную роль в пересмотре отношения к Санхунйатону сыграли раскопки в Угарите. Там среди других письменных памятников были найдены мифологические поэмы, записанные в XIV в. до н. э. писцом Илимилку со слов верховного жреца Аттинпарману. Это доказывает существование в ханаанейско-аморейском культурном круге уже во II тысячелетии до н. э. обширных письменных памятников, и хотя эти памятники явно были записями уже известных мифов и ритуалов, сами они были созданы конкретными людьми с конкретными именами. Это «снимает» основное возражение против историчности Санхунйатона. К тому же, имя этого финикийского автора было известно и другим античным писателям, кроме Филона, и нет никаких оснований ставить эти сообщения под сомнение. Сейчас считается, что Санхунйатон (имя, кстати, совершенно финикийское) жил в Берите в XII или XI в. до н. э.

XX век характеризовался огромным прогрессом наших знаний о финикийцах. Особенно значительны достижения науки в этой области за последние 35 лет. Этому способствовало стремительное развитие археологии — преимущественно на территории финикийских колоний, но в последнее время начались работы и в метрополии. Международным центром финикийских исследований стал Рим. И именно в Риме вышла на немецком языке работа И. Ш. Шифмана, предлагаемая ныне читателю.

Илья Шолеймович Шифман родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончив школу, он в 1948 г. поступил на восточный факультет Ленинградского университета, желая посвятить себе ебраистике. Но через два года в обстановке «борьбы с космополитами» соответствующая кафедра была закрыта, и Шифман перешел на исторический факультет, специализируясь по кафедре истории Древней Греции и Рима. После окончания университета он был по распределению направлен в Казахстан и несколько лет проработал учителем средней школы. Только в 1958 г., вернувшись в Ленинград, он смог поступить в аспирантуру при кафедре истории Древней Греции и Рима, где под руководством тогда доцента, а позже профессора Н. Н. Залесского написал диссертацию «Финикийская колонизация Западного Средиземноморья и возникновение Карфагенской державы». Несколько позже эта диссертация под несколько сокращенным названием была опубликована¹, что вообще-то является редкостью для исторических кандидатских диссертаций, и это свидетельствует о ее значительной научной ценности. С 1961 г. и до конца своих дней Шиф-

¹ Ш и ф м а н И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М., 1963.

ман работал в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Там он защитил докторскую диссертацию, стал ведущим научным сотрудником, много работал над различными проблемами древнего востоковедения. Но финикийская проблематика постоянно оставалась в сфере его интересов. Ей посвящена его работа о финикийском языке¹ и популярная книжка о финикийских мореходах², большое количество статей. Под псевдонимом Кораблёв Шифман опубликовал великолепную биографию Ганнибала³, являющуюся одновременно и строго научной, и в лучшем смысле слова популярной.

Шифман был человеком русской культуры и никогда не хотел уезжать из СССР. Но он всегда мечтал заняться библеистикой и своими глазами увидеть страну, в которой разворачивалась библейская история. Первое желание ему частично удалось удовлетворить во второй половине 80-х гг. в условиях резкого изменения политического и идеологического климата в нашей стране. Тогда появилась его небольшая, но чрезвычайно ценная работа «Ветхий Завет и его мир», где в заключении содержится важный раздел о финикийской мифологии; тогда он начал работать над новым переводом Библии, и первая книга, содержащая перевод Пятикнижия Моисеева, вышла в свет⁴, правда, уже после смерти ученого. Готова была осуществиться и вторая мечта: в марте 1990 г. он с группой ученых должен был выехать в Израиль на международную научную конференцию. Но незадолго до отъезда Шифман внезапно умер. Повлиял ли на эту трагедию какой-то разговор в Дзержинском райкоме КПСС, который состоялся незадолго до этого, или нет, неизвестно. Но ученого не стало, и все то хорошее, что его коллеги готовились произнести на его 60-летнем юбилее, было сказано на гражданской панихиде.

Изучение финикийского мира в настоящее время переживает подъем. Картина этого мира сейчас предстает несравнимо богаче, чем это было во времена Тураева. Большое внимание уделяется, в частности, религии и мифологии финикийцев, как в метрополии, так и в колониях, включая Карфаген. Работы итальянцев С. Рибиккини и П. Кеселлы, француза Ж. Шарль-Пикара, тунисца М. Фангара, бельгийского ученого Э. Липиньского и других внесли много нового в наше понимание духовного

¹ Ш и ф м а н И. Ш. Финикийский язык. М., 1963.

² Ш и ф м а н И. Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.

³ К о р а б л ё в И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

⁴ Учение. Пятикнижие Моисеево / Пер., введение и коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1993.

мира финикийцев. Но много вопросов еще осталось, многое еще является предметом острых споров и полного несогласия ученых друг с другом. Отметим только две взаимосвязанные проблемы.

Если признать Санхунйатона исторической фигурой, а в этом сейчас мало кто сомневается, и датировать его XII—XI вв. до н. э., то получится, что он жил не столь уж много позже Аггиннарлану и Илимилку. И в таком случае, особенно учитывая обычную консервативность религиозной сферы, его сведения отражают не следующую стадию развития религиозно-мифологических представлений ханаанейско-аморейской общности, как это часто принимается в науке, а их вариант или, точнее, варианты, практически сосуществующие с угаритским вариантом. Но отрицать религиозное развитие в финикийском обществе невозможно. Поэтому необходимо постоянное сопоставление сведений Санхунйатона-Филона с довольно скудными данными I тысячелетия до н. э., особенно надписями и сообщениями античных писателей. И еще один вопрос: признавая сочинение Санхунйатона конечным источником знаний Филона, необходимо учитывать огромный временной и в значительной степени мировоззренческий разрыв между этими писателями. Филон творил не только более чем через тысячу лет после Санхунйатона, но и в другой идейной и политической обстановке. И все это тоже предмет тщательного исследования.

В заключение надо сказать еще следующее. В отечественной науке финикийцам уделяли мало внимания. Ни Тураев, ни Шифман не оставили непосредственных учеников именно в этой области. В работах других крупных востоковедов, таких, как, например, И. М. Дьяконов, финикийская проблематика затрагивается все же походя, она не стояла и не стоит в центре их научных интересов. Хотелось бы надеяться, что публикация классических исследований Б. А. Тураева и И. Ш. Шифмана будет способствовать росту интереса к истории и культуре Финикии, Карфагена и других центров финикийского мира.

Ю. Б. Циркин

Б. А. Тураев

**ФИНИКИЙСКАЯ
МИФОЛОГИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ <i>Ю.Б.Циркин</i>	5
<i>Б. А. Тураев</i>	
ФИНИКИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ	
ОТРЫВКИ ФИНИКИЙСКОЙ КОСМОГОНИИ И МИФОЛОГИИ ФИЛОНА БИБЛСКОГО	39
ВВЕДЕНИЕ	39
ФИНИКИЙСКАЯ ИСТОРИЯ	69
Предисловие	69
Из первой книги	71
Цитаты из Филона у древних писателей	82
<i>Примечания</i>	82
ФИНИКИЙСКИЕ ОТРЫВКИ У ДАМАСКИЯ	120
Введение	120
Перевод отрывков	125
<i>Примечания</i>	128
ТИРСКИЕ ЛЕТОПИСИ	131
Предварительные замечания	131
Перевод отрывков	137
<i>Примечания</i>	141

ПРИЛОЖЕНИЯ 159

Нонн Папуполитанский. Описание Тира и Берита 161
Арриан. Осада и взятие Тира Александром 167
Диодор Сицилийский. Осада и взятие Тира Александром 177
Примечания 184

И. Ш. Шифман

**ДРЕВНЯЯ ФИНИКИЯ —
МИФОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ** 185

ТАБЛИЦЫ 325

Научное издание

ФИНИКИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Под общей редакцией

Ю. С. Довженко

Художник:

Е. Б. Горбатова

Компьютерный набор

Е. А. Сотник

Компьютерная верстка

И. В. Рака

Издательско-торговый дом «Летний Сад»
197101, Санкт-Петербург, Большой пр. ПС, 82.
Лицензия ЛР № 065301 от 22.07.1996 г.

Журнал «Нева»
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3.
Лицензия ЛР № 03116 от 04.10.1996 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.03.99
Формат 60×90 1/10. Гарнитура «Водопі СІТ».
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 3000 экз. Зак. №3140.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12